

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК82-4.Шаров

DOI 10.17223/19986645/36/6

И.В. Ащеулова

АВТОРСКАЯ ИСТОРИОСОФИЯ В ЭССЕИСТИКЕ В. ШАРОВА

В статье рассматриваются исторические эссе («Опричнина Ивана Грозного: что это такое?», «Верховые революции», «Столица и провинция: два пути понимания жизни», «Меж двух революций. Андрей Платонов и русская революция» (2005)) современного русского писателя В. Шарова. Анализ эссе позволяет выявить восприятие писателем процесса развития русской истории, что, в свою очередь, открывает определенную историческую модель. В. Шаров формирует авторскую историософскую концепцию, в основных положениях которой обнаруживается революционный характер русской истории.

Ключевые слова: Шаров, историософия, русская история, эссе.

В.А. Шаров в современном литературном процессе зарекомендовал себя как автор фантазмагических романов о русской истории. «Историография» Шарова состоит из восьми романов: «След в след» (1991), «Репетиции» (1992), «До и во время» (1993), «Мне ли не пожалеть...» (1995), «Старая девочка» (1998), «Воскрешение Лазаря» (2003), «Будьте как дети» (2007), «Возвращение в Египет» (2013).

Проза Шарова рождается на пересечении двух дискурсивных практик: исторической, выстраивающей фактическую основу «событий» и «историй», и фикциональной, свойственной художественной словесности. В романах русская история предстает как в судьбах вымышленных персонажей, воплощенных в документально подтвержденных обстоятельствах и событиях, в мифологизированных временах реальных исторических личностях и фактических ситуациях, так и в демонстративно, сознательно вымышленных, фантазмагических эпизодах истории в России Нового времени, предлагая альтернативную версию событий, предполагающую фантастическую, возможную линию социального развития России. В эссеистике и публицистике писателя русская история, оставаясь в рамках исторического нарратива, выстраивается в фиксированную событийную канву, в основании которой остается документ, подвергающийся, однако, множественной интерпретации.

О необходимости новых истолкований событий прошлого, оставшихся в вещественных и документальных подтверждениях, во множестве «преданий», в нарративах мифологизированной социальной памяти, Шаров говорит в многочисленных интервью, декларируя цель реинтерпретации истории («повествования о прошлом») как проникновение в смыслы прошлого для понимания современности («разобраться в окружающем нас мире»). Высказывания писателя на этот счет концептуальны.

Во-первых, история, русская в особенности, есть следствие становления, развития и гибели различных идей, в которых преобладает общее метафизическое мироотношение. «Наша история – это столкновение нескольких идеалистических, утопических идей. Ключевые вопросы в истории XX века – религиозные учения о воскрешении, о достижениирая на земле, идеи Н. Федорова, большевики не победили бы, если бы их лозунги не совпали бы с коренными народными упованиями и верованиями. Без этого невозможно постичь историю России» [2]. Отсюда установка Шарова увидеть в русской революции XX в. развитие исконно русских религиозно-утопических идей. Революция в России является, по мнению писателя, не отклонением от закономерного исторического движения, не исключением из правил, а теоремой, правилом, доказательства которых представлены в ходе русской истории.

Во-вторых, русская история, с точки зрения Шарова, предстает как развитие христианских идей о конце мира, человечества. Эсхатологизм определяет отношения человека с Богом, с окружающим миром и с властью. Русский человек живет при знании конца, поэтому его отношения с историей есть вечное вопрошание о смысле общего исторического движения и его отдельной жизни в контексте истории: от историософемы «Москва – Третий Рим» до идеи русской революции как приближения нового мира. Отсюда, по Шарову, представление и понимание русской истории как комментария к Библии, где обозначены направление и цель земной жизни [1].

В-третьих, Шаров видит повторяемость русской истории, циклы развития, «расколы», «верховые и низовые революции», доказывающие исторический абсурд, невозможность разрешения противоречий, например невозможность диалога власти и народа, по-разному трактующих сакральную цель национальной истории. «С историей безусловно произошло качественное изменение, заставляющее думать, что она исчезла, – но это взгляд поверхностный. В действительности, думаю, она ушла на глубину. В человека, если угодно. На индивидуальный уровень. Вызвано это многими обстоятельствами – ну, например: сегодня ее повторяемость уж очень очевидна» [3]. В этом смысле, с точки зрения Шарова, история не проживается единожды, но разыгрывается много раз в современных событиях, это касается не только общества в целом, но и отдельных исторических деятелей и индивидов.

Заметим, что в интервью В. Шаров охотно, подробно и многословно высказывается о проблемах понимания «уроков прошлого», их значения для настоящего и прогнозирования будущего, соответственно, писатель сознательно формирует индивидуальную историософию, проявляющуюся как в художественном дискурсе романов, так и в публицистическом дискурсе статей и эссе. Соответственно, обращение к параметрам историософии позволит нам поставить проблему понимания истории Шаровым именно как философии истории, т.е. обнаружить в нехудожественном дискурсе не трактовку отдельных проблем отечественной истории, а понимание целей, смысла, движущей силы, форм развития и, конечно, смысл, цель и способы существования человека в истории. С нашей точки зрения, это необходимо для прояснения художественной стратегии Шарова, проблематики его творчества. Ибо в

его романной прозе современные исследователи обнаруживают постмодернистскую деконструкцию исторических событий, иронический и саркастический стеб, обнажающие хаос, бесцельность, исторические тупики, бесконечные повторы, открывающие иррациональность исторического поведения людей, приводящего к иррациональности развития событий [4–6]. С другой позиции, в русской истории Шаров обнажает власть метафизического мышления людей, провидящих высший смысл, когда история подчинена силе провидения, стремящейся к цели, при этом свободное проявление человеческой воли отрицается [7, 8]. В-третьих, в романах Шарова современные литературоведы прочитывают власть слова, текстов, эпистем над социумом (и отдельным человеком), т.е. как раз отсутствие и стихии жизни, синергетики, и метафизики абсолютного духа или Бога – а всё сводится к тексту, к языку, к симулякрам языка, влекущего людей [9]. Поэтому **цель статьи** – выделение основных положений историософии В. Шарова, сформировавшейся в историческом дискурсе его эссеистики и отразившейся в художественном дискурсе романов. Предметом настоящего анализа является только эссеистика В. Шарова, в частности статьи: «Опричнина Ивана Грозного: что это такое?» (1989), «Верховые революции» (2000), «Столица и провинция: два пути понимания жизни» (2000), «Меж двух революций. Андрей Платонов и русская революция» (2005).

Оговоримся, что под историософией мы будем понимать «осуществление философской тематизации, исследование и осмысление исторического процесса как некоей бытийной сферы, объективной данности, одного из важнейших и во многом определяющих контекстов существования человека и человечества в целом» [10. С. 13]. Философская составляющая проявляется в «проблемах историософтвера» [11. С. 24]: истоках, исходной матрице, смыслах исторического пути, движущих силах, векторах движения (прогресс/регресс/линейность/поступательность/цикличность/хаотичность), роли человека в истории, исторической модели. Свою **задачу** в данной статье мы видим в определении «формулы» авторской историософии В. Шарова, в выявлении авторской логики развития русского исторического процесса.

В. Шаров закончил исторический факультет Воронежского университета, в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию по историографии опричнины и Смутного времени. Русская история, перестав быть сферой научных интересов, остается для писателя, по его словам, способом постижения бытия, обнаружения метафизического смысла жизни. Разгадывание смысла и модальности русской истории воплощается и в публицистическом дискурсе.

Эссе «Опричнина Ивана Грозного: что это такое?», прочитанное в Гарвардском университете в сентябре 1989 г. [12] и опубликованное впервые в журнале «Родина» (1991. №1), писалось в 1986–1987 гг., после защиты диссертации, и является не вошедшей в диссертацию гипотезой [13]. Эссе «Столица и провинция: два пути понимания жизни» написано в конце 1990-х, прочитано на литературном вечере автора в 2000 году, опубликовано в сборнике публицистики «Искушение революцией (русская верховная власть)» [14] и в журнале «Университетская площадь» (2009. №2). Эссе «Верховые революции» (2000) представлено в сборнике «Искушение революцией...». Эссе «Меж двух революций. Андрей Платонов и русская революция» печата-

лось в журнале «Знамя» в 2005 г. [15] и включено в сборник публицистики 2009 г.

Главными концептами в размышлениях Шарова о русской истории становятся государственность, революция, народ, власть.

Во всех эссе последовательно проводится мысль об осознании русским народом и русской верховной властью необходимости централизованного государства как единственно возможной формы сохранения национальной идентичности в общеевропейском историческом процессе. По мысли писателя, стремление русских к государственности актуализируется еще до татаро-монгольского ига. Россия знала и общинные формы управления (Новгородское Вече), и договорные отношения между городом и князем и его дружиной, и становление государства в возникновении и развитии Московского царства. В эссе «Меж двух революций» Шаров отмечает, что возникновение и развитие как княжеской (затем царской), так и народной, вечевой власти имеют свои традиции, обычаи, ритуал. Вращение одной власти в другую всегда проходило медленно, ожесточенно, болезненно. Именно как реакция на борьбу двух властей возникает в истории русской государственности феномен абсолютной власти. Шаров утверждает, что начало русской истории связано с идеей объединения славянского пространства под сильной, централизованной властью. Этого хотели как «верхи», так и «низы», государственность позволяла сохранить русский народ и территорию. Русские пытались в мировом историческом развитии найти свое место, для этого необходимо было найти объединяющую идею, которая помогла бы нации стать единым целым и предъявить себя как целое миру. Такой идеей стал замысел единственного в своем роде православного государства, русской православной земли, противостоящей всему остальному, погрязшему в грехах и зле миру.

О начале исторического пути нации и его идеецентричности Шаров размышляет много. Возвышение Московского царства на рубеже XV–XVI вв., замена Византии Москвой и восприятие Руси как новой Святой земли подготовили почву для национальной идеи. И тогда случайно появились две доктрины, по мысли Шарова, недооцененные историками, но определившие дальнейший ход русской истории. Речь идет о доктрине монаха Филофея (примерно 1520-е гг.) «Москва – Третий Рим» [16] и об установлении монахом Спиридоном-Саввой («Сказание о князьях Владимирских», 1523) [16] родства рода Рюриковичей и племянника римского императора Августа, легендарного Пруса.

Шаров пишет, что эти доктрины «для русского общества мало уступают перевороту, сделанному Коперником для общества западного. Только вектор его противоположный. Коперник умалил и землю, и весь человеческий род, убрав его из центра мироздания, монастырские же книжники, наоборот, поставили русскую историю в центр мира. Страна <...> затерянная среди лесов и болот огромной восточноевропейской равнины, почти отрезанная при татарах от остального мира, и сама чувствовала себя, словно монах в скиту. <...> приятие учения Филофея именно от заброшенности и одиночества, от ненужности никаких компромиссов с окружающим миром» [15. С. 176]. Исходя из логики Шарова, можно утверждать, что наполнение идеи могло быть иным, но непременным условием ее восприятия и осуществления являлась

задача собирания государства и нации в единый организм, что должно было способствовать выходу на мировую историческую и политическую арену. Никакой закономерности в выдвижении идей Филофея и Саввы нет, это чистая случайность, что послание монаха из провинции было оценено и воспринято как руководство к действию. Шаров пытается обнаружить в идеях монахов иную закономерность русской истории, а именно – идеоцентричность национальной жизни и сознания, стремление русского человека выразить себя, свое понимание мира, открывающих возможности коммуникации с «чужим» миром (и не только в форме диалога, но и поучительного монолога). Идеи Филофея и Саввы идеально сложились в формулу, которая позволяла провинциальной окраине заявить о себе как о могущественном центре (Рим-мир), берущем на себя мессианскую функцию по отношению к погрязшей в грехах Европе. С этой точки зрения, формула позволяла определять не только путь нации (что мы сами о себе думаем), но и метаисторический смысл пути (что думает о нас Бог, Провидение, История), что отсылает к идее богоизбранности Руси и ее народа.

Именно поэтому исторические мифы-концепции сразу были приняты и народом, и верховной властью. Первая причина единения нации вокруг предложенных идей коренилась в невозможности всей Руси жить по-старому. Изменился внешний мир (падение «нового» Рима – Константинополя), и изменился внутренний русский мир. После падения Царьграда осознание Руси как единственного православного царства, Святой земли, второго Иерусалима, а русского народа, как богоизбранного народа открывает новые перспективы развития государства, сознающего свою великую миссию. Вторая причина связана с изменением отношения власти к самой себе и отношения народа к власти. Власть становилась избранной Богом (помазание на царство), уподоблялась воле Бога, приобретала неограниченные возможности, право на любые поступки, необходимые для осуществления Божьей воли. Вся военная политика Московского царства, а затем и Российской империи проходила под лозунгом завоевания «басурманской» земли ради присоединения ее к святой, христианской. Именем Господа подчинялись центру окраины, перемалывались целые народы. Верховная власть становилась вне норм морали и даже христианской этики: нарушения трактовались как угодные Богу. «Русская власть сразу попала на площадку, которая отличалась фантастическим перепадом высот. На ней не то что строить – нелегко было стоять. Но династия Калиты ничего не боялась» [15. С. 177]. Так рождается исторический путь, управляемый верховной, ничем не ограниченной властью.

Народ поверил в сакральность власти, наделил ее высокими полномочиями, неограниченными правами, выстроил свои отношения с ней по подобию отношений с Богом, следуя за ней по пути преображения земной жизни в Царствие Небесное. Все удаchi власти трактовались как осуществление Божьей воли, все неудачи – как отступление в сторону зла, Антихриста. На этом уровне размышлений Шарова мы приближаемся к одной из важнейших авторских идей – истоки русской революции XX в. закономерно обнаруживаются в амбивалентности отношения народа к сакральности верховной власти и представлениях власти о самой себе. Сделаем промежуточный вывод.

Первым элементом авторской историософии В. Шарова является понимание идеи как истока, начала русской истории. Идея как исток, как начало определяет историческое движение, обосновывая и смысл движения, и итог, и метод – создание централизованного государства, сильной власти, способных защищать интересы православной веры и народа-богоносца в условиях внешней агрессии со стороны народов с недолжной верой. В понимании Шарова такими идеями для русской нации и государственности стали идеи монахов Филофея и Саввы, которые могут быть восприняты как первые нарративы о гипотетическом развитии русской истории, о ее наполнении, сущности. Писатель уверен, что идея монаха Филофея стала «основанием русского понимания жизни» [15. С. 185], метафизическим пониманием русскими своей истории. Идеи помогли русским оформить представление о собственной избранности, особом историческом пути, проявившееся на всех уровнях русской жизни: избранная Богом страна («третий Рим»), избранный народ («народ-богоносец»), избранная власть (царь – помазанник Божий). Метафизическая стратегия позволила русской нации воспринимать собственный исторический путь как диалог с Богом по сюжету утопических доктрин, планов, предвидений, а русская литература и русское искусство получили статус комментариев к продолжающемуся в реальности Священному Писанию. Подобная убежденность, на наш взгляд, реализуется в многочисленных историософемах (например, триада С.С. Уварова «самодержавие, православие, народность»), спор славянофилов и западников о «русской идее», теория «евразийства»).

Итак, идея как начало русской истории определяет, в свою очередь, второй элемент историософской концепции – цель, смысл исторического процесса. Идеи Филофея и Саввы как метафизическая основа русской истории формируют цель как преображение, переделку земной жизни в Царствие Небесное, приобщение всех «неверных» народов к правильной истинной вере, спасение мира, погрязшего в грехах, дарование ему истины. Таким образом обнаруживается утопический смысл русской истории, проявляющийся и в реформах Петра, и в революционной практике большевиков. Из утопии прорастает эсхатологизм русской истории. Ожидание Второго пришествия, работа по преображению Руси в Святую землю отсылают к ощущению «конца времен», конца истории. Апокалипсис, эсхатология становятся константой, моделью русской истории, которую создают власть и народ. Конец истории означает конец греха, возвращение человека к Богу, обретение свободы, утраченной в акте первородного греха.

Утопизм и эсхатологизм как смысл русской истории позволяют перейти к третьему элементу историософской системы – движущим силам, каковыми становятся, по мнению Шарова, многочисленные революции «сверху» и «снизу». Революционность русской истории заложена в истолковании изначальной идеи, различном понимании смысла и цели как верховной государственной властью, так и народом, духовным подпольем. Это ведет к национальному расколу, трагическому противостоянию внутри страны, которое обнаруживает себя в циклах, движущихся по одному и тому же алгоритму. Так проявляется модальность русской истории, представляющая не прогрессивным выстраиванием сильного государства, но регрессивной трагической по-

гоней за миражом, утопией, в которую вовлекается вся нация. Русская история есть циклически проявляющееся революционное реформирование жизни страны и народа, преследующее утопические цели и ведущее в бездну, безумие, хаос.

В концепции Шарова движущие силы русской истории обнажают опасную логику и постоянный алгоритм осуществления: революционность верховной власти (столицы, центра) и революционность народа (провинции, окраины, духовного подполья). Русская история и её повороты – это результат противостояния двух метаисторических проектов, двух интерпретаций сути и назначения русской жизни: с позиции верховной власти и той части народа, что идет за властью; и с позиции народа (духовно-религиозное подполье русской жизни), считающего проект верховной власти отступлением от сакральной воли.

Характеристику и понимание сути названных метаисторических проектов Шаров дает в эссе: «Опричнина Ивана Грозного: что это такое?», «Столица и провинция: два пути понимания жизни», «Меж двух революций. Андрей Платонов и русская революция», «Верховые революции». Писатель анализирует пять периодов русской истории и пять властителей: Андрей Боголюбский (1110–1174) и Владимиро-Суздальская Русь, Иоанн IV Грозный (1529–1584) и Московское царство, Петр I (1672–1725) и Российская империя, Павел I и Российская империя, И.В. Сталин и Советский Союз. Во всех пяти случаях выделяются аспекты самосознания власти: отношение правителя к ближайшему боярскому кругу как представителям аристократии; понимание правителем природы власти и себя как властителя; отношение к светской жизни и православной вере; основание нового государственного центра; смерть без наследника. Отметим, что многое для своей концепции Шаров взял из трудов выдающегося русского историка С.Ф. Платонова. Размышления историка о Смутном времени легли в основу кандидатской диссертации Шарова, положения, не вошедшие в текст диссертации, стали основой авторской историософии. С.Ф. Платонов в концептуальном труде «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков» [16] считал смену элит и последующую за этим смуту закономерными, в результате чего сложился порядок, обусловивший дальнейший ход исторического развития России. Шаров аккумулирует идеи историка и выдвигает собственные тезисы, которые транслируют смыслы проекта русской верховной власти.

Первое, что делает верховная власть, стремящаяся к абсолютному торжеству, противопоставляет себя существующей традиции и тем делит страну, народ, аристократию на две части: свое и чужое («в одной из которых источником верховной власти является традиция, а в другой – сама верховная власть (например, опричнина и земщина)» [18. С. 109]). Так возникают расколы различного толка и создаются первые предпосылки революционной ситуации. Во-вторых, разделив страну и государство, власть начинает создавать новые традиции и нормы, прежде всего, изменяя собственный статус. Верховный правитель отказывается от границ власти, отчета перед кем бы то ни было (слова Ивана Грозного: «До сих пор русские владетели не давали отчета никому, вольны были подвластных своих жаловать и казнить, не судились с ними и не перед кем» [18. С. 109]). Это касается не столько отказа от подчи-

нения «чину», боярскому совету, патриарху, сколько отказа от подчинения внутренним нравственным законам. Властитель может не держать ответ ни перед Богом, ни перед совестью, ни перед верой, он сам совесть, и вера. На этом этапе начинает формироваться миф, культ, основанный на божественном происхождении власти и властителя, который оценивается не как тиран, а как «самый человечный человек», любящий детей и животных. Совестью становится не верить в его возможности, всякий сомневающийся идет против веры и народа.

В-третьих, власть замыкается на самой себе, видя в себе «источник любой другой власти» [18. С. 109]. Иной власти (власти традиции, духовной власти) просто не может быть, все одинаково оказываются рабами. Поэтому борьба Ивана Грозного, Петра Первого, Николая I, Сталина с собственной элитой доказывает, что верховная власть стремится к созданию новой традиции, в центре которой будет лишь она сама. В этом акте есть антинародный, антипатриотичный и откровенно кощунственный смысл: избавляясь от хранителей традиции (старых боярских родов, духовенства, дореволюционной интеллигенции и дворянства в 1920-х гг.), власть уничтожает модель страны, ударяя по народной жизни. Естественно, создаются новые нормы, новая аристократия (худородные опричники, крестьянские дети, иностранцы, «двадцатипятидесятники» и т.д.), но они слишком зависят от настоящей власти, недолговечны и относительно. При этом каждый из названных правителей видит в процессе реформирования традицию, существовавшую до него, поэтому слом жизни интерпретируется как возвращение к уже бывшему и забытому. Например, Петр I сознательно ассоциировал себя с Иваном Грозным, а Сталин позиционировал себя наследником обоих. Так власть заранее защищала себя от возможных обвинений в произволе.

В-четвертых, отказываясь от традиции, власть создает собственное пространство – новую столицу. История основания и строительства Петербурга хорошо иллюстрирует данный тезис. Андрей Боголюбский убегает во Владимир, Грозный в Александровскую слободу, большевики возвращаются в Москву, прерывая традицию русской монархической власти, начатую Петром.

Очевидно, что абсолютная верховная власть, рождая новую парадигму отношений народа и государства, не только формирует революционную ситуацию, но и своим абсолютным финалом (прерывание правящей династии) способствует прорыву революции и началу нового исторического цикла. Революция отменяет традицию, созданную верховной властью, происходит либо возвращение к старому, либо формирование нового, но в дальнейшем революция неизбежно оказывается вовлечена в процесс формирования новой верховной власти.

Итак, в чем же заключается проект верховной власти по Шарову? Нам представляется, что Шаров в контексте историософских размышлений указывает на главную особенность русской власти – используя определенную идею и веру народа в возможность ее осуществления, спровоцировать, выстроить революционную ситуацию реформирования страны на внешнеполитическом и внутреннеполитическом уровне, сломать традицию, «чин» и осуществить тотальный контроль власти над нацией, страной, по возможности и

другими народами. Идеи монахов Филофея и Саввы соблазнили русскую власть возможностью полной переделки, перестройки не только русской жизни, но и европейской, а в идеале – и мировой. При удачном исходе революционного процесса русская власть доказывала свою избранность и особое историческое предназначение Руси – России – Святой земли, доказывала право на собственное Царствие Небесное, иначе «Христос не придет на землю и не спасет погрязший в грехах человеческий род раньше, чем весь мир не сделается Святой землей, то есть не подпадет под высокую руку Московских князей (позже – царей, еще позже – императоров)» [15. С. 177]. Таким образом, власть выбирала довольно прагматичный алгоритм действия, обнаруживая завидную постоянность в его осуществлении. Разделение государства на две половины, «свою» и «чужую» (земщину и опричнину; бояр, стрельцов и европейцев, «немцев»; народа и «врагов народа»), центр и окраину, постоянное их перемешивание, политика уравнивания, уничтожения, нетерпения инакомыслящих, смена столиц – эти приемы должны были держать страну и ее население в постоянном напряжении, направляя все силы на осуществление идеала (Святая земля, Небесный Иерусалим), а прагматически создавая централизованное тоталитарное государство с ничем и никем не ограниченной властью. По Шарову, в контексте проекта верховной власти образ русской истории предстает как лесной «верховой пожар», ужасный по своей силе и мощи, сметающий все на своем пути. В таком пожаре исчезают миллионы людей, они приносятся в жертву проекту власти и ее пониманию идеи. «Верховые пожары» приобретают свойства повторяемости, предсказуемости, периодичности, что становится характеристиками всей русской истории. Но, по модели В. Шарова, существует и противоположный вариант развития и понимания изначальной идеи.

Проект верховной власти всегда будет поддержан определенной частью народа, которую писатель называет «народом власти». В интерпретации начальной идеи верховная власть и «народ власти» сталкиваются с проектом другой части народа («народ веры»), понявшей идею по-своему. «В посланиях монахов они поняли главное – мы живем при конце последних времен, и ждать осталось недолго. Они не сомневались: чтобы достойно подготовиться к приходу Спасителя, надо уже сейчас немедленно уничтожить то царство зла, которое их окружает, и на его месте, взявшись «миром», выстроить царство добра и справедливости. Они ждали прихода Христа с напряжением, которое вряд ли с чем бы то ни было можно сравнить» [15. С. 177]. В разности понимания кроется глобальный конфликт, определивший отечественную историю. Народное духовное подполье увидело в идее не прагматику переделки жизни, но соблазн, искушение: «...были и те, кто все эти пять веков побед считал не более чем искушением, а государя не истинным православным царем, а сатаной, антихристом. Тот, как известно, должен был завладеть властью в последние времена, перед самым приходом Спасителя, и соблазнить, совлечь в грех многих и многих» [15. С. 179]. Поэтому «народ веры» выбирает духовную антитезу земных страстей – молитву, аскезу, пост, т.е. готовится к отречению от мира зла и переходу в Его Небесное Царство. Не случайно в борьбе за абсолютную власть властители боролись с православной церковью как мощным инструментом отказа от мирского, светского, греховного. Цер-

ковь призывала власть не строить Царство здесь, отказаться от социального, материального строительства, от прагматики, а дожидаться, подготовить себя к Страшному Суду, Его приходу. Отсюда, как нам представляется, берут начало: конфликт Грозного с попом Сильвестром, Алексея Михайловича Романова с Никоном, Петра с институтом патриаршества, большевиков с православием. Это конфликт различных метафизических позиций в истории. Власти необходимо продолжать социальную историю, историю государства, а народному подполью – уничтожить историю, чтобы вернуться в свободное состояние до первого грехопадения. Народное подполье, начиная со времени формирования Московского царства, создавало свой нарратив русской истории. Шаров обозначает его как «низовой пожар».

В возникновении «низового пожара» также можно выделить несколько важнейших моментов. С одной стороны, «низовой пожар» не так опасен, как «верховой», сопротивление проекту власти пассивно, малочисленно, связано, прежде всего, с проявлениями фанатизма, «они, пытаясь спасти себя и своих близких от греха, уходили в леса, бежали в глухие окраинные места, если надо – и за пределы государства» [15. С. 179], если государство доставало их и там, они во славу Божью сжигали себя от младенца до старца. С другой стороны, крайней формой «низового пожара» является русский бунт, смута, гражданская война. Так, примерами прорыва «низового пожара» Шаров считает восстание И. Болотникова (1606–1607), крестьянскую войну Е. Пугачева (1773–1775), холерные бунты 1830-х гг., поведение русского казачества до возведения его в статус военного сословия, русское старообрядчество, поэтому в историческом проекте народного подполья мы вновь обнаруживаем алгоритм повтора, периодичности, предсказуемости.

Подведем итог наших размышлений. Будучи историком по образованию, последователем теории С.Ф. Платонова, В. Шаров в своих размышлениях о русской истории, безусловно, опирается на уже известные факты, концепции, выводы (например, помимо Платонова, ссылается на работы Н.И. Ефимова [19], В.М. Живова, Б.А. Успенского [20]), чем, несомненно, попадает в контекст уже существующих и апробированных теорий. Достаточно упомянуть о работе М.М. Голубкова «Русская литература XX века: После раскола», в которой ученый четко формулирует мысль о существовании многочисленных расколов в русской истории и русской культуре: «История русской культуры XX в. – это история бесконечных внутренних расколов некогда единого национального культурного организма <...> Все эти факты, перечень которых можно множить и множить, нельзя трактовать лишь как какой-то “зигзаг” русской истории. В литературной и не только литературной истории XX в. не было случайностей. В постоянных расколах проявляется некоторая закономерность, обусловленная целым рядом исторических обстоятельств существования русской нации, сформировавших и русское сознание» [21. С. 12]. Голубков ссылается на многих русских философов и политиков (И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, В.И. Ленина), видевших в русской революции, в расколотости русской жизни некую закономерность, проявление менталитета русского человека. Именно об этом размышляет в эссе В. Шаров. В чем же можно увидеть принципиальное отличие современного писателя от предшественников? Нам представляется, что ответ кроется в восприятии писателем феноме-

на русской революции как начала, смысла, цели и движущей силы русской истории, собственно революция и есть историософтвар русской истории, ее логика, формула и модель. Революцией, переворотом в сознании, мышлении и власти, и нации является выбор общенациональной идеи, направленной на соби́рание огромной территории вокруг сильного центра и его агрессивная политика по отношению к внутренним и внешним пространствам. Революцией сверху становится проект русской верховной власти, осуществляющей собственное понимание исторической миссии страны и государства. Революцией снизу предстает проект русского духовного народного подполья, увидевшего в революции религиозный идеал. С этой точки зрения православие вполне заменяется верой в революцию, отменившую религиозный ритуал, но представшей как обнаженное христианство, несущее возможность преображения мира, человека, Бога. Расколы, смуты, гражданские войны, неизбежно возникающие как следствия революционных изменений, обнаруживают трагический, хаотический, бесчеловечный характер истории-революции, но не отменяют значение жертвенного подвига, страстей, страданий во имя веры, отсюда образы революционеров-мучеников в русской истории, которые ничуть не уступают христианским святым. В этом контексте значимы и важны размышления Шарова о событиях русской истории как процессе комментирования Священного Писания и Христе как герое-революционере. В истории русской культуры примером революционной религиозности для Шарова выступает творчество А. Платонова.

В. Шаров неоднократно в интервью признавался, что А. Платонова он считает своим духовным учителем и лучшим писателем XX в. Платонов выражает сознание русского народа («без меня народ неполный...») в новой цивилизационной (революционной) ситуации, когда человек становится мастером, демиургом: машинист, инженер-мелиоратор, построивший три электростанции, он принял идею революционного преображения страны. «Платонов был некоей санкцией, некоей возможностью и правом всего советского строя на жизнь» [22. С. 608]. В юности, увлекшись учением Н.Ф. Федорова, Платонов соединил христианское эсхатологическое (историософский миф о рождении соборного человеческого духа) и марксистское (позитивистско-материалистическое) понимание мира. В категориях Шарова, Платонов попытался преодолеть раскол двух пониманий, двух отношений к идее: с позиции власти и позиции народного подполья. В идее коммунизма писатель разглядел христианский идеал избавления от первородного греха человека перед замыслом Бога, как исполнение высшего смысла жизнеспасения и жизнепорождения. Платонов готов к сотрудничеству с новой властью, отдает ей свои силы и знания, о чём свидетельствуют публицистические статьи и записные книжки 1920-х гг. (Шаров цитирует их в эссе «Меж двух революций...» [15. С. 190–191]. Платонов принял революцию как осуществление народных надежд о прекрасном, лишенном человеческого зла и природного хаоса мире – о наступлении Царствия, подобного Небесному.

Но проза писателя с конца 1920-х гг. («Эпифанские шлюзы», «Город Градов», «Котлован», «Чевенгур», «Усомнившийся Макар») обнаруживает совершенно иное отношение к власти, а затем и к народной революции. Платонов усомнился в возможности изменения реальности, а не только в методах

революционной власти, он увидел, что стремление к запредельному идеалу несёт зло: «...коммунизм даже в самой чистой, самой детской и наивной своей оболочке ведет во зло» [15. С. 190]. Платонов оказывается не с верховной властью, но и не в противоположном ей лагере, разделяя судьбу народного подполья, что со всей очевидностью проявляется в художественной прозе («Чевенгур»). Так обнажается трагедия индивидуального сознания, столкнувшегося с крушением своих идеалов (и материалистического, и утопического), не нужного «большой» истории, но открывающего ее внутренний смысл. «Платонов был то ли пророком всей этой широченной волны нового понимания мира, понимания того, что хорошо, что плохо и как в этом мире надо жить, чтобы быть угодным Богу, то ли первым настоящим человеком нового мира» [22. С. 608]. Платонов обозначил метафизику русской жизни, выдвинув категории науки, механики, рациональности, но описав при этом философов и мечтателей, утопистов. Платонов, как герой Шарова, обнажает иррациональность и таинственную логику человека. История движется духовными импульсами, индивидуальным словом, памятью, роль человека в истории заключается в сохранении этих импульсов, как Платонов зафиксировал это в своем стиле и языке. И здесь, как нам представляется, сходятся историософские размышления и художественная стратегия В. Шарова. С философской точки зрения «большая» история России, реализующаяся как бесконечно повторяющийся революционный проект по переделке реальности, не имеет цели и смысла в прогрессистском значении. Историческое сознание Шарова прозревает в алгоритме развития русской истории одни и те же элементы, этапы, вехи, ведущие в тупик или обнажающие блуждание по кругу в погоне за утопическими идеями. Поэтому Шаров скорее пессимистичен в прогнозе будущего и осознании настоящего, повторяемость истории очевидна, «воспроизводить ее коллизии заново в государственном масштабе так же нелепо, как проводить параллели между убийством Кирова или покушением на Матвиенко» [3]. Тупики русской истории и противостояние, нетерпимость двух революционных векторов (верховной власти и народного подполья) приводят к трагической расколотости русской жизни, которую писатель понимает как травму национального русского сознания. Раскол нации связан с огромными человеческими жертвами, страхом обычного человека перед большой историей, разочарованием от постоянно неосуществленных надежд и идеалов. Это именно то ощущение от бездн и безумия истории, что описывает Платонов. Человек как субъект истории выражает в историософии В. Шарова трагедию частной жизни и индивидуального сознания в координатах большой идеи, писатель утверждает, что в России никто не прожил жизнь так, как хотел, человек постоянно вопрошает Бога и власть, ищет и не находит ответов, создает собственные нарративы без возможности их осуществления и сохранения. Поэтому проблематика творчества писателя, на наш взгляд, связана с восприятием текста, нарратива, слова в истории, открывающей в собственных безднах личностное сознание, проверяющее предлагаемые идеи и проекты. Определяя общую модель русской истории в публицистическом дискурсе, в художественной прозе писатель обращается не к нарративу верховной власти, но его интересует проблема создания индивидуального слова-текста народным духовным подпольем. В многообразии исто-

рических нарративов (история – это законченные рассказы, продолжающиеся рассказы, проговаривание очевидцами события, его интерпретация), Шаров ищет и создает не материально-прагматические проекты, но духовные импульсы живых людей, пытающихся в индивидуальном слове вернуть смысл жизни из хаоса, смерти, ужаса, забвения, абсурда. Революция как образ русской истории, ее сущность и смысл, безусловно, центральная тема прозы писателя, но его художественная стратегия заключается в воспроизведении индивидуального слова как реакции на революцию, слова как выражения отношения к реальности и метафизическому миру, Богу. История сохраняет следы присутствия индивида, имеет память. В интервью Шаров говорит об этом так: «Я пытаюсь вернуть огромный пласт жизни или даже чаще просто упомянуть миллионы людей, которые жили, рожали детей, воевали и много о чем думали. Большинство из них погибло. Но у них была своя правда, и, какие бы ошметки, ничтожные обрывки от нее ни остались, восстанавливать эту правду необходимо. Иначе мы ничего не поймем в нашей общей судьбе. Мир так устроен, что и при жизни человека, и после его смерти здесь, на земле, справедливости немного. От кого-то, например белых и красных, сохранилось огромное количество документов, а от других, чья роль в русском XX веке была не меньшей, – почти ничего. Тысячи и тысячи проповедников, странников были бесписьменными, они передавали свои знания из уст в уста. И найти то, во что они веровали, чего ждали и на что надеялись, непросто. В любом случае я пытаюсь это понять» [23]. Такое понимание роли человека и его слова в истории отдаляет Шарова от постмодернистской художественной стратегии. Безусловно, Шаров ироничен в интерпретации событий, но ирония выступает не средством постмодернистского стеба, тотальной деконструкции, пессимизма и скепсиса, а скорее осознанием заведомой предсказуемости развития событий. Но писатель противоположен и модальности исторического романа с его позитивизмом и рациональностью, реконструкцией подлинных исторических событий. Шаров занимает промежуточную позицию между реалистической и постмодернистской стратегиями, фиксируя в авторской историософии сложность и многомерность русской истории, ее заикленность на утопических мессианских идеях, ведущую к внутреннему расколу, в котором, потеряв единство и надежду, народ оказывается в замкнутом трагическом круге. Спасение Шаровым обнаруживается в воскрешении памяти, воссоздании (пусть фантазмагорическом) текстов, исчезнувших в бездне истории людей, которые пытались рассказать свою правду и обрести смысл в абсурдной исторической реальности.

Литература

1. Шаров В. «Каждый мой новый роман дополняет предыдущие...»: Беседа с М. Липовицким // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59).
2. Шаров В. «Пытаюсь написать душу истории» (интервью А. Мирошкину) // Книжное обозрение. 2003. №5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.club366.ru/articales/sharov.shtml> (дата обращения: 30.12.2014).
3. Шаров В. «Что случилось с историей? Она утонула...». Интервью Д. Быкову // [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/rulife/080607/772dmitriij_bykov_chto_sluchilos_s_istoriej_ona_utonula.htm (дата обращения 25.02.2015).
4. Скоропанова И.С. Деконструкция исторического нарратива в романе В. Шарова «До и

во время» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 7. Версии истории в литературе XX века / ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск, 2005. С. 177–190.

5. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997.

6. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М., 2000.

7. Татаринов А.В. Власть апокрифа: библейский сюжет и кризисное богословие художественного текста. Краснодар, 2008.

8. Сорокина Т.Е. Художественная историософия современного русского романа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2011.

9. Бавильский Д. Ниши Шарова // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 269–284.

10. Зайцева Н.В. Историософия как метафизика истории: опыт эпистемологической рефлексии: автореф. ... д-ра философ. наук. Самара, 2005.

11. Русакова О.Ф. Историософия: толкование предмета и типология // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 3–28.

12. Шаров В.А. Опричнина Ивана Грозного: что это такое?: (лекция, прочитанная в Гарвард. ун-те в 1989 г.) // Археогр. ежегодник. М., 2004. С. 116–130.

13. Шаров В. Опричнина [Электронный ресурс]. URL: <http://sharovvladimir.narod.ru/oprichnina.html> (дата обращения: 24.02.2015).

14. Шаров В. Испытание революцией (русская верховная власть). М., 2009.

15. Шаров В. Меж двух революций: Андрей Платонов и русская революция // Знамя. 2005. № 9. С. 174–191.

16. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понько. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века.

17. Платонов С.Ф. Смутное время: Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. 2-е изд. М.: Вузовская книга, 2011.

18. Шаров В. Столица и провинция: два пути понимания жизни // Университетская Площадь. Воронеж. 2009. № 2. С. 108–112.

19. Ефимов Н.И. Русь – новый Израиль. Казань, 1912.

20. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

21. Голубков М.М. Русская литература XX века. После раскола. М.: Аспект Пресс, 2001.

22. Шаров В. Народ Андрея Платонова // Литературная матрица: учебник, написанный писателями. XX век. СПб., 2011.

23. Шаров В. «Премиями вдохновение не заманишь...»: Интервью В. Шарова газете «Частный корреспондент» 10 апреля 2012 года. [Беседовал М. Шабашов] [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/vladimir_sharov_premiyami_vдохновение_ne_zamanish_1562 (дата обращения: 30.12.2014).

AUTHOR'S HISTORIOSOPHY IN THE ESSAYS OF VLADIMIR SHAROV.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 4(36), pp. 71–86. DOI 10.17223/19986645/36/6

Ashcheulova Irina V., Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: asheulova@mail.ru

Keywords: Sharov, historiosophy, Russian history, essays.

The article studies the author's historiosophy of modern Russian writer V. Sharov, expressed in his essays on various subjects. Essays "Oprichnina Ivana Groznogo: chto eto takoe?" ("The oprichnina of Ivan the Terrible: What is it?") (1989), "Stolitsa i provintsii: dva puti ponimaniya zhizni" ("The capital and the province: two ways of understanding life") (1999), "Mezh dvukh revolyutsiy. Andrey Platonov i russkaya revolyutsiya" ("Between two revolutions. Andrei Platonov and the Russian Revolution") (2005), "Narod Andrey Platonova" ("People of Andrei Platonov") (2010) reflect the attitude of V. Sharov to the aim, sense and logic of the development of Russian history. The main concepts in Sharov's reflections about Russian history are statehood, revolution, people, power. Russian statehood, from the point of view of Sharov's historical consciousness, is based on a certain idea, supported and developed by the people, the Church and the supreme authorities. The writer finds a single algorithm of history development associated with the formation of an idea, its interpretation by the authorities and the people, development and transformation into a utopian project. The formula of Russian history has predictable cycles of "high" and "low" revolutions, showing the teleological and Messianic nature

of Russian history. The revolution, according to the writer, is not a phenomenon, an exception to the historical rule, but an organic matter, the meaning of Russian history. Revolutionary character of Russian history is in the interpretation of the original idea, in different understanding of the sense and aim by the supreme state power and by the people, the spiritual underground. This leads to the national schism, a tragic confrontation within the country. This is the modality of Russian history which is not a progressive building of a strong state, but a regressive tragic pursuit of a mirage, utopia which involves the whole nation. Russian history is a cyclically manifested revolutionary reform of the country's and the people's life that pursues utopian goals and leads into the abyss, madness, chaos. In V. Sharov's philosophy of history, man as the subject of history expresses the tragedy of private life and individual consciousness in the coordinates of a big idea. The perspective of the writer is associated with the perception of the text, the narrative, the words in history. In its own depths, it opens person's consciousness which verifies the proposed ideas and projects. In the diversity of historical narratives (history is finished stories, continuing stories, witnesses' description of an event, its interpretation), Sharov searches for and creates spiritual impulses of real people trying to return the meaning of life out of chaos, death, horror, oblivion, absurd in their individual word, not logistic and pragmatic projects. History preserves the traces of the presence of the individual, it has a memory. Sharov finds salvation in the resurrection of memory, recreation (albeit imaginary) of texts which disappeared in the abyss of the history of people trying to tell their truth and find meaning in an absurd historical reality.

References

1. Sharov, V. (2008) "Kazhdyy moy novyy roman dopolnyaet predydushchie..." Beseda s M. Lipovetskim ["Each of my new novel complements the previous ones..."] Interview with Mark Lipovetsky]. *Neprikosnovennyi zapas*. 3 (59).
2. Sharov, V. (2003) "Pytayus' napisat' dushu istorii" (interv'yu A. Miroshkinu) ["Trying to write the soul of history" (Interview to A. Miroshkin)]. *Knizhnoe obozrenie*. 5. [Online]. Available from: <http://www.club366.ru/articales/sharov.shtml>. (Accessed: 30th December 2014).
3. Sharov, V. (2007) "Chto sluchilos' s istoriei? Ona utonula..." Interv'yu D. Bykovu ["What happened to history? ... It drowned." Interview to D. Bykov]. *Russkaya zhizn'*. 3.
4. Skoropanova, I.S. (2005) Dekonstruksiya istoricheskogo narrativa v romane V. Sharova "Do i vo vremya" [Deconstruction of historical narrative in V. Sharov's novel "Before and During"]. In: Rybal'chenko, T.L. (ed.) *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog* [Russian literature in the twentieth century: names, problems, cultural dialogue]. Is. 7. *Versii istorii v literature XX veka* [The versions of history in the literature of the twentieth century]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Lipovetskiy, M.N. (1997) *Russkiy postmodernizm: ocherki istoricheskoy poetiki* [Russian postmodernism: Essays on historical poetics]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
6. Kuritsyn, V. (2000). *Russkiy literaturnyy postmodernizm* [Russian literary postmodernism]. Moscow: OGI.
7. Tatarinov, A.V. (2008) *Vlast' apokrifa: bibleyskiy syuzhet i krizisnoe bogoslovie khudozhestvennogo teksta* [he power of apocrypha: the biblical story and the crisis theology of the literary text]. Krasnodar: Mir Kubani.
8. Sorokina, T.E. (2011) *Khudozhestvennaya istoriosofiya sovremennogo russkogo romana* [Art historiography of the modern Russian novel]. Abstract of Philology Dr. Diss. Krasnodar.
9. Babil'skiy, D. (1997) Nishi Sharova [The niches of Sharov]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 28. p. 269–284.
10. Zaytseva, N.V. (2005) *Istoriografiya kak metafizika istorii: opyt epistemologicheskoy refleksii* [Historiography as metaphysics of history: the experience of epistemological reflection]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Samara.
11. Rusakova, O.F. (2002) Istoriografiya: tolkovanie predmeta i tipologiya [Historiography: interpretation of the subject matter and typology]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN*. 3. p. 3–28.
12. Sharov, V.A. (2004) Oprichnina Ivana Groznogo: chto eto takoe?: (lektsiya, prochitannaya v Garvard. un-te v 1989 g.) [The oprichnina of Ivan the Terrible: What is it?: (lecture delivered at Harvard University in 1989)]. In: Shmidt, S.O. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik* [Archeography Yearbook]. Moscow: Nauka.
13. Sharov, V. (c. 1987) *Oprichnina*. [Online]. Available from: <http://sharovvladimir.narod.ru/oprichnina.html>. (Accessed: 24th February 2015). (In Russian).

14. Sharov, V. (2009) *Iskushenie revolyutsiy (russkaya verkhovnaya vlast')* [Temptation by the Revolution (Russian sovereignty)]. Moscow: ArsisBooks.
15. Sharov, V. (2005) Mezhdvukh revolyutsiy. Andrey Platonov i russkaya revolyutsiya [Between two revolutions. Andrei Platonov and the Russian Revolution]. *Znaniya*. 9. p. 174-191.
16. Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A. & Ponyrko, N.V. (eds.) (2000) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus Literature]. Vol. 9. St. Petersburg: Nauka.
17. Platonov, S.F. (2011) *Smutnoe vremya: Ocherk istorii vnutrennego krizisa i obshchestvennoy bor'by v Moskovskom gosudarstve XVI i XVII vekov* [Time of Troubles: A Short History of the internal crisis and the social struggle in the Muscovite state in the 16th and 17th centuries]. 2nd ed. Moscow: Vuzovskaya kniga.
18. Sharov, V. (2009) Stolitsa i provintsia: dva puti ponimaniya zhizni [The capital and the province: two ways of understanding life]. *Universitetskaya Ploshchad'*. 2. pp. 108-112.
19. Efimov, N.I. (1912) *Rus' – novyy Izrail'* [Russia as the new Israel]. Kazan.
20. Zhivov, V.M. & Uspenskiy, B.A. (1987) Tsar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii [Tzar and God. Semiotic aspects of sacralization of the monarch in Russia]. In: Uspenskiy, B.A. (ed.) *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [Languages of culture and translatability problems]. Moscow: Nauka.
21. Golubkov, M.M. (2001) *Russkaya literatura XX veka. Posle raskola* [Russian literature of the twentieth century. After the schism]. Moscow: Aspekt Press.
22. Sharov, V. (2011) Narod Andrey Platonova [The People of Andrei Platonov]. In: *Literaturnaya matritsa. Uchebnik, napisanny pisatelyami. XX vek: Sbornik* [Literary matrix. The textbook written by writers. Twentieth Century: A Collection]. St. Petersburg: Limbus Press, Izd-vo K. Tublina.
23. Sharov, V. (2012) "Premiyami vdokhnovenie ne zamanish'...". *Interv'yū V. Sharova gazete "Chastnyy korrespondent"* ["The award does not entice inspiration...". Interview of V. Sharov to Chastnyy Korrespondent newspaper]. April 10, 2012. [Online]. Available from: http://www.chaskor.ru/article/vladimir_sharov_premiyami_vdohnovenie_ne_zamanish_1562. (Accessed: 30th December 2014).